Чехов А. П.
(фестиваль)

22.04.98

Трагедия Еврипида в версии Штутгартского театра

МЕДЕЯ У ПЛИТЫ

Независимая газета
— 1998. — 22 апр. — с. 7

Екатерина Антонова,
Сергей Конаев

В «МЕДЕЕ» Штутгартского городского театра не верят чистому рассудку, словам, пространным монологами. Верят талисманам, камешку, который раскручивается на нитке, священному дереву, огню, воде, заклиниваниям. Спектакль воздействует на подсознание, обращается к древнейшим инстинктам, пробирает, как собачий вой.

В Ирине Куглер, играющей Медею, чувствуется палящее дыхание архаики, первичного хаоса. Ее героиня — внучка Гелиоса — обладает жутковатой привлекательностью и внутренней мощью. Поражают движения длинных рук, привычных к ворожке и готовке, внезапные ошепенения и экстатические припадки, глуховатый голос, без надрыва возвышающийся до крика... То, как Медея закликает стихии — воду, камень, огонь, землю, общается с ними, впадает в транс — завораживает. И в тоже время Медея — просто брошенная женщина.

В спектакле обнаруживается поразительная сочетаемость обыденности — людей, ситуаций — и чего-то дикого, первобытного, недоступного пониманию человека... В

обыкновенной женщине возникает и обретает плоть бесчеловечность дочери Солнца. Хоревты — домохозяйки, одетые в желтые халаты, — выпевают гортанные, диссонансные созвучия, издают каркающие, похожие то на птичий, то на звериный крик звуки; вспыхивают очищающее пламя... и простые спички, раскачиваются магический камень и электрическая лампа...

Такое сосуществование принципиально и продиктовано пьесой Еврипида. Все, не исключая богов, оказывались участниками «кухонных» сцен... Цивилизация, управляемая примитивными инстинктами, рассудочная и бесстыдная — как это понятно, ужасающе узнаваемо и привычно для человека XX века.

На Чеховском фестивале недавно был показан другой немецкий спектакль, во всем, казалось бы, иной: по мироощущению, театральной реальности, режиссерским приемам. Тем удивительнее было увидеть общее. Режиссер Кристоф Марталер с помощью гениального расчета добился в «Трех сестрах» небытия времени, совершенного, страшного. Постановщик «Медеи» Ульрих Беккер прикоснулся к опасному и бесконечно маниающему первобытному хаосу.

Федор Чеханков, актер:
«Штайн в «Орестее» уже подго-

товил нас к этой крови, но все равно «Медея» произвела на меня сильнейшее впечатление. Очень мужественно поставлено, очень современно и умно».

Марина Давыдова, театральный критик:

«Добротный, крепкий, умный спектакль, хорошо сделанный, с концепцией. Медея трактована не только как колхидская волшебница, но как простая женщина, которая живет рядом с газовой плитой. То, что мы увидели в этом спектакле, было отчасти ожидаемо, иногда интересно, но откровением не стало. В общем, это качественный, хороший спектакль, за что хочется поблагодарить режиссера и актеров».

Оксана Мысина, актриса:

«Я под очень сильным впечатлением: необычная режиссура, хор потрясающий. И мне безумно понравилась актриса...»

Кама Гинкас, режиссер:

«Одно из впечатлений после четырех спектаклей, которые я видел на Чеховском фестивале, — народ уходил толпами. На «Медею» народ не уходил, хотя спектакль длится два часа и история известная. Значит, зрителя это почему-то держало, завораживало, может быть, волновало. То, что в конце зрители так бурно это принимали, говорит о том, что люди восприняли показанное».